

О действиях Татищева, руководившего действиями правительственных сил в Сибири в том числе и отрядом Арсеньева, Кириллов отзывался как об «очень осмотрительных», ставя ему в заслугу то, что он «вступая к башкирам в малолюдстве, почти с одними крестьянами, привел бунтовщиков в повиновение и два городка в удобных местах построил, почему на него и впредь насчет тамошнего отдаленного края надежда имеется».

Примечания

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 1.
2. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 59.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 8. Ед. хр. 5177. Л. 6; Ф. 199. № 481. Т. 6. Л. 189–190.
4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 170.
5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 119 об.

Н.В. Суржикова (ИИиА УрО РАН)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЗЛАТОУСТОВСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА: УСЛОВИЯ ТРУДА И СОДЕРЖАНИЯ

В результате Первой мировой войны на территории России возникло более 400 лагерей для иностранных военнопленных, в том числе 113 лагерей, подведомственных Казанскому военному округу¹. На Урале, в глубине тылу, размещались в основном бывшие австрийские, немецкие и венгерские военнопленные как менее «благонадежные», чем пленные славянских национальностей.

Первые партии пленных появились в пределах Уральского региона уже в 1914 г. Летом 1915 г. Уральским областным промышленным комитетом был проведен опрос среди предприятий на предмет дефицита работников. Выяснилось, что экономике края требуется как минимум 10 тыс. чел.² К этому времени в промышленности региона уже было занято свыше 4 тыс. пленных³. На 1 февраля 1916 г. в промышленном производстве Урала было задействовано почти 17 тыс. военнопленных.

Одним из первых на Урале пленных принял Златоустовский горный округ. В сентябре 1915 г. со станции Тундуш Самаро-Златоустовской железной дороги в округ прибыли 20 военнопленных, которые были определены на куренные работы⁴. За ними из Дарницкого лагеря, Катав-Ивановского завода и г. Красноярска последовали новые партии вражеских солдат.

По прибытии на станцию Златоуст все военнопленные разбивались на группы от 20 до 30 чел. и распределялись «для производства работ при

углевыжигательных печах и куренях». В каждую партию назначался один из пленных, владевших русским языком, кроме того, неотлучно при пленными находился «надсмотрщик» (так в документе — *Авт.*) или старший в группе. Во время производственного процесса надзор и контроль за пленными осуществляли куренные мастера и их помощники.

Использовались пленные в основном на низкоквалифицированных работах. Большая часть была занята рубкой дров, вторая, сравнительно небольшая — перевозкой горючего (дров и угля) на углевыжигательных печах. Средняя продолжительность рабочего дня пленного в зимнее время составляла 8 часов, в летнее — 10 часов. «С переворотом же государственного строя труд рабочего времени определен в 8 часов, в воскресные дни военнопленным предоставляется полный отдых от работ, хотя некоторые из них за редким исключением производят работы и в воскресные дни, но лишь по собственному желанию».

Для проживания военнопленных на местах работ в куренях им отводились бараки, а при углевыжигательных печах — казармы. Как в бараках, так и в казармах вдоль стен помещений устраивались нары, где и «помещались» пленные. В таких же условиях жили и русские рабочие, находившиеся «в работах» вместе с военнопленными.

Первое время все пленные жили на казенном довольствии и питались из общего котла: паек им был установлен такой же, как и русским нижним чинам. Обмундирование также производилось за счет завода. Зимой оно состояло из полушубка, валенок, брюк, шерстяных чулок или суконных онучей, меховой шапки и рукавиц. Кроме пропитания и обмундирования пленные получали за свой труд поденную плату, которую могли расходовать по собственному разумению.

В конце 1917 — начале 1918 г. пленные с поденных работ были переведены на отрядные и стали получать заработную плату как и русские рабочие за вычетом 25 % на содержание и охрану. При этом разница в зарплатке пленных, занятых на разных производствах, была существенной: один мог получать за рабочий день 3 рубля, а другой — всего 50 копеек. Расчет за работу производился два раза в месяц, на некоторых заводах и куренях — один раз.

С начала 1918 г. питание и вещевое довольствие пленных стало производиться за их счет. Все необходимые припасы и обмундирование выдавались из кладовых при печах и куренях по специальным «заборным» книжкам. Пушу пленные готовили в общих котлах, для чего из соевой среды назначали кашевара. Каждый пленный ежедневно получал примерно 3–4 фунта печеного хлеба и от 1/4 до 1/2 фунта мяса. При наличии пленным также отпускалось пшено, горох, картофель, чай (из расчета по

1/4 фунта ежемесячно на человека), сахар или сахарный песок (из расчета по 1 фунту на человека в месяц). Пленным также предоставлялась возможность ездить на казенных лошадях в ближайшие населенные пункты и покупать там на заработанные деньги яйцо, молоко, сало и другие продукты.

Ежемесячно от одного до двух раз производился медицинский осмотр пленных фельдшером. Заболевшие бесплатно пользовались лекарственными препаратами из имеющихся при производствах аптек. Seriously больные отправлялись на излечение в горнозаводской госпиталь, где специально для пленных отводился отдельный лазарет (барак). Военнопленные, оказавшиеся по освидетельствованию врача неспособными к труду, передавались в ведение местных военных властей.

Вся адресованная пленным корреспонденция поступала в канцелярии куренных отделений, где устанавливали место работы каждого конкретного получателя, куда затем и пересылались письма и открытки. Денежные переводы получали особые кассиры куренных отделений, которые выдавали их пленным под расписку.

Очевидно, таким образом, что рассмотренные нами на примере Златоустовского горного округа условия жизни труда иностранных военнопленных Первой мировой войны в общем и целом соответствовали требованиям Гаагской конвенции 1907 г. Пленные обеспечивались питанием, достаточным для нормальной жизнедеятельности, получали обмундирование, позволявшее им сохранить свое здоровье в условиях уральского климата, могли рассчитывать на получение медицинской помощи. Конечно же, картина пребывания пленных на Урале не была исключительно идиллической, но штампы советской историографии об «угнетении пленных и их тяжелой доле» также не совсем корректны и требуют своей конкретизации, как и в целом история иностранных военнопленных Первой мировой войны в России.

Примечания

1. Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987. С. 36.
2. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
3. Там же. Л. 8 об.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 32–33. Далее ссылки на этот источник опущены.